

О. Б. Бубенок

Черкесские воины на границе Улуса Джучи в Среднем Поднепровье

Keywords: Middle Dnieper region, Northern Caucasus, Cherkassy city, Circassians, Golden Horde period, border protection, well-armed cavalymen

Cuvinte cheie: Regiunea Niprului de Mijloc, Caucazul de Nord, orașul Cerkasî, cerchezi, perioada Hoardei de Aur, apărarea hotarelor, cavaleriști bine înarmați

Ключевые слова: Среднее Поднепровье, Северный Кавказ, город Черкассы, черкесы, период Золотой Орды, защита границы, хорошо вооруженные кавалеристы

O. B. Bubenok

The Circassian Warriors on the Border of Juchi Ulus in the Middle Dnieper Basin

The origin of the name of Cherkassy city, located on the right bank of the Dnieper river, has always been of interest for the historians. The legends that were popular in the historical literature of the 16th—18th centuries AD provided the following information: 1) the ethnic name *Cherkass* appeared in the Middle Dnieper basin as early as the 12th century AD; 2) the Cherkassy fortress was founded in the 13th—14th centuries AD by the refugees—“Circassians” who had migrated to the Middle Dnieper basin from the Five Mountains area in the Northern Caucasus.

The last hypothesis is of a special interest because the archeological data and the information provided by Grigorius Pakhimer allow to consider that in the second half of the 13th century AD the Golden Horde ruler Nogay could transmigrate the Adyghes from the Northern Caucasus and settle them in the Middle Dnieper basin. As a result of this migration, initially Cherkassy settlement could be founded there.

Besides, in the Ros' river basin near Yablunovka village the tumuli were excavated. According to the last data, in the second half of the 13th century AD these tumuli were created by the migrants from the North-Western Caucasus where the Circassians lived. It was the result of Mongol rulers's policy to strengthen the north-western border of the Golden Horde. These migrants were well-armed cavalymen.

O. B. Bubenok

Oștenii cerchezi la hotarele Ulusului Juchi în regiunea Niprului de Mijloc

Proveniența denumirii orașului Cerkasî, amplasat pe malul drept al Niprului, întotdeauna a trezit interesul istoricilor. Legendele răspândite în literatura istorică din sec. XVI—XVIII se reduceau la următoarele: 1) denumirea etnică Cerkasî a apărut în regiunea Niprului de mijloc încă din sec. XII; 2) cetatea Cerkasî a fost înființată în sec. XIII—XIV de către refugiații—„cerchezi”, care au migrat pe Niprul de Mijloc din regiunea celor cinci munți (Piatigorie) din Caucazul de Nord.

Ultima ipoteză prezintă un interes deosebit, deoarece datele arheologiei și informația lui Grigorie Pakhimer ne permit să considerăm, că în a doua jumătate a sec. XIII guvernatorul Hoardei de Aur Nogai a putut să-i strămute pe adygezi din Caucazul de Nord și să-i așeze cu traiul pe Niprul de Mijloc. Ca rezultat al acestei strămutări aici a apărut așezarea Cerkasî. În afară de aceasta, în bazinul râului Ros' lângă satul Iablunovka au fost săpați tumuli. În conformitate cu ultimele date, în a doua jumătate a sec. XIII acești tumuli au fost înălțați de către cei strămutați din Caucazul de Nord-vest, unde locuiau cerchezii. Acesta a fost un rezultat al politicii cărmuitorilor mongoli de a întări hotarul de nord-vest al Hoardei de Aur. Acești migrați erau cavaleriști bine înarmați.

O. Б. Бубенок

Черкесские воины на границе Улуса Джучи в Среднем Поднепровье

Происхождение названия города Черкассы, расположенного на правом берегу Днепра, всегда вызывало интерес у историков. Популярные в исторической литературе XVI—XVIII вв. легенды сводились к следующему: 1) этническое название Черкасы появилось в Среднем Поднепровье еще в XII в.; 2) крепость Черкассы была основана в XIII—XIV вв. беженцами—«черкасами», которые мигрировали в Среднее Поднепровье из района Пятигорья на Северном Кавказе.

Последняя гипотеза представляет большой интерес, потому что данные археологии и информация Георгия Пахимера позволяют считать, что во второй половине XIII в. золотоордынский правитель Ногай мог переселить адыгов с Северного Кавказа и поселить их в Среднем Поднепровье. В результате этого переселения здесь возникло поселение Черкассы.

Кроме того, в бассейне реки Рось возле села Яблоновка были раскопаны курганы. В соответствии с последними данными, во второй половине XIII в. эти курганы были сооружены переселенцами с Северо-Западного Кавказа, где проживали черкесы. Это стало результатом политики монгольских правителей по укреплению северо-западной границы Золотой Орды. Эти мигранты являлись хорошо вооруженными кавалеристами.

Происхождение названия города *Черкассы*, расположенного на правом берегу Днепра (рис. 1) южнее Киева, всегда вызывало интерес у историков. Это было связано с тем, что топоним по форме напоминает этноним *черкес*, имеющий отношение к адыгам Северного Кавказа. Однако сложность решения вопроса состояла в том, что в документах название города начало фигурировать лишь в поздние средневековые. Интерес к данной проблеме был обусловлен еще тем, что в XVI—XVII вв. название *черкасы* использовалось для обозначения украинцев Поднепровья. Именно это и породило в среде историков различные мнения.

Так, наиболее ранняя фиксация легенды об основании крепости Черкассы содержится в одной из литовских люстраций (переписей, ревизий) Каневского и Черкасского замков, датированной 1552 г. Согласно ей, поселения Черкассы и Канев основал литовский князь Гедимин после своих походов в Крым и на Кавказ, что имело место в начале XIV в. С Кавказа, из района Пятигорья, он привел «черкасов», которых поселил на Днепре (АЮЗР 1886: 103). Альтернативная гипотеза содержалась в Воскресенской летописи, составленной уже в конце XVI в. Согласно ей, к основанию поселения Черкассы были причастны черные клобуки, «еже зовутся Черкасы» (которые зовутся черкасами) (Воскресенская... 1856: 56). Получается, что крепость Черкассы существовала уже в предмонгольское время. Эта гипотеза была дальше развита Н. М. Карамзиным в его «Истории государства Российского» (Карамзин 1892: 243).

Однако среди историков Российской империи в XVIII—XIX вв. была очень популярна идея о том, что в Среднее Поднепровье могли переселить адыгов-«черкасов» с Северного Кавказа ещё правители Золотой Орды в конце XIII — начале XIV вв. Несколько десятилетий назад это даже стало основанием для В. Ф. Горленко написать большую статью историографического характера на эту тему (Горленко 1982: 96—107). В соответствии с этой гипотезой, татарский баскак в Курском княжестве переселил черкесов (черкасов) из Пятигорья на Кавказе к своим владениям. Однако эти переселенцы совершали много вреда курскому князю Олегу, и потому тот, по согласию с ханом, выгнал их из земель Курского княжества. Наконец, эти черкасы переселились в Приднепровье и основали возле Канева свою крепость Черкассы. При этом основание крепости Черкассы на Днепре российские историки относили к разному времени: одни связывали это с событиями

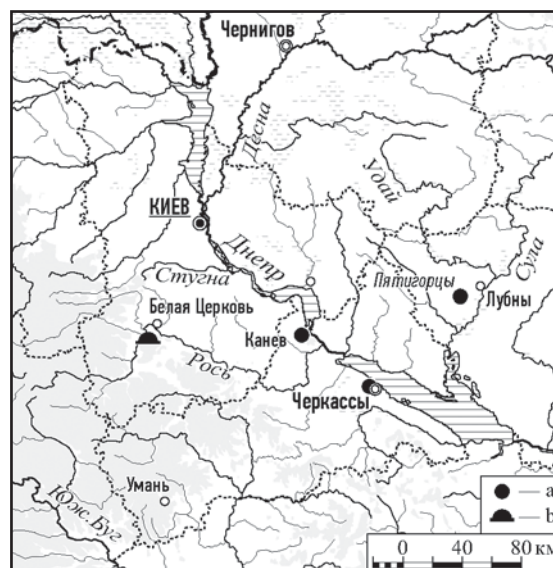

Рис. 1. Места расселения черкесов в Среднем Поднепровье: а — средневековые поселения предположительно с адыгским населением; б — курганный могильник возле с. Яблоновка.

Fig. 1. The places of settlement of the Circassians in the Middle Dnieper basin: a — medieval settlements presumably with the Adyghe population; b — burial mound near Yablonovka village.

конца XIII в. (1282 г.) — И. Болтин, М. И. Антоновский, авторы «Словаря географического Российского государства», Д. Бантыш-Каменский; другие же относили основание г. Черкассы к XIV в. — В. Н. Татищев, А. Шафонский, А. Ригельман и др. (Горленко 1982: 96—107).

Как видим, данная проблема представляет собой в большей мере событие в историографии, чем направление источниковедческих исследований. У нас нет ни одного достоверного письменного источника, где бы содержались сведения об основании Черкасс. К тому же существует заблуждение, что этнические названия *черкас* и *черкес* даже между собою не связаны.

Отметим сразу: в сочинении Плано Карпини «История монголов», написанном в 40-е гг. XIII в., перечислены завоеванные монголами народы, где упомянут народ *Чиркасы*. В другом отрывке своего сочинения Плано Карпини указал, что на юг от страны «Комании» рядом с аланами и хазарами проживали «чиркасы» (Circassi) (Карпини 1957: 57, 72). Даже еще в XV в. итальянские авторы Й. Барбаро и Г. Интериано использовали форму *Черкасс* (Барбаро 1971: 108; Волкова 1973: 24). Кроме того, во многих западноевропейских языках до сих пор используется подобное написание этнонима: итал. *circassa*; исп. *circasiano*; фран. *circassien*; англ. *Circassian*.

Вполне возможно, что к французам, испанцам и англичанам он мог попасть от итальянских купцов. Однако уже с XVI—XVII вв. в некоторых странах Европы стал известен термин *черкес* (Волкова 1973: 24). В XV в. генуэзец Георгий Интериано писал об адыгах: «Зихами зовутся они на родном, греческом и латинском языках, Татары и Турки зовут их Черкесами, и на их собственном наречье имя им Адыге» (Адыги... 1974: 48).

Необходимо указать, что в русских летописях форма экзотонима *черкас* фигурирует уже с начала XV в., в описаниях событий XIV в. Тем не менее, русские летописцы, описывая события середины XV в., уже начали использовать термин *черкасы* не только относительно жителей Северного Кавказа, но и для жителей Центральной Украины, что было связано с существованием там одноименного топонима. Следует добавить одну особенность: в России в конце XVII в. этноним *черкас* уже начал вытесняться новым термином *черкес*, когда речь шла о народе Северного Кавказа; а в XVIII в. в российских актовых документах для обозначения адыгов уже стали использовать только термин *черкес* (КРО 1957).

Следует отметить, что литовская люстрация 1552 г. содержит не самое первое упоминание о крепости Черкассы. Так, одно из наиболее ранних упоминаний о городе Черкассы содержится в Супрасльской летописи, написанной в первой половине XVI в. и представляющей собою литовскую хронику. Там содержится упоминание г. Черкассы, которое исследователи обычно датируют 1395 г., т. е. уже литовским периодом (Супрасльская... 1980: 65). Упомянут г. Черкассы и в ярлыке крымского хана Менгли-гирея литовскому князю Сигизмунду, датированном 1506—1507 гг. (АОИЗР 1848: 4).

Однако более раннее упоминание о крепости «Черкасы» содержится в «Списке русских городов дальних и ближних» — историко-географическом памятнике XIV—XV вв. Особый интерес представляет прилагаемый к перечню городов термин «а се польский». По мнению исследователя памятника В. Н. Тихомирова, это название можно считать искажением слов «подольские города». В Списке показано 11 польских или подольских городов в следующем порядке: «Каменецъ, Иловечь, Браславль, Соколечь, Звенигород, Черкасы, Черлен, Новый городок, Веничя, Скала, Бакота». Из всех «польских» городов местоположение только города Черкасы остается неясным (Тихомиров 1952: 229). Однако и это не самое первое упоминание поселения Черкассы.

Наиболее раннее известное современным исследователям упоминание о крепости «Черкасы», а точнее, о «воеводе Черкас», содержится в жалованной грамоте литовского аристократа Фёдора Кориатовича, согласно которой он передавал во владение своему слуге Пашке Васневичу семь сёл в Брацлавском повете на Подолье (ныне Винницкая обл. Украины). Грамота датирована 9 августа 1392 г. Упоминание «Черкас» содержится в списке лиц, засвидетельствовавших достоверность грамоты: «пан Бедрых Черкасский воевода» (Новая грамота... 2014: 149—150).

Таким образом, мы можем даже не сомневаться в том, что крепость Черкассы на Днепре уже существовала в конце XIV в. Однако точно не известно, когда возникла крепость Черкассы: до прихода литовцев после Синеводской битвы в 1362 г. или уже во время их деятельности в Среднем Поднепровье? Не известно также, были ли среди её первых жителей черкесы. В этом нам может помочь анализ других источников.

До недавнего времени исследователи не подвергали анализу топонимы, которые помещаются в люстрациях Каневского и Черкасского замков, датированных 1552 г. Там имеются названия, которые испытали славянскую обработку. Например, в люстрации Черкасского замка упомянуты «Уходы або станы — по реце Днепру», среди которых фигурирует «Уход на Тавани» (АЮЗР 1886: 84). Это название очень напоминает название полуострова на Северо-Западном Кавказе — *Тамань*. По мнению К. Н. Тищенко, в данном случае мы имеем дело с посредством тюркских языков, для которых характерен переход согласного «м» в «в». По данным Дж. Н. Кокова, адыгское *тэмэн* означает «болото, плавни» (Коков 1974: 263). Еще в 1967 г. А. С. Стрижак зафиксировал один интересный факт: «Так, в Черкассах на Днепре одна из окраин называется Бешту (сравним с горой Бештау на Северном Кавказе, возле подножия которого раскинулся город Пятигорск, от тюркского *беш* — “пять” и *тау* — “гора”» (Стрижак 1967). Эти топонимы не могли появиться здесь при литовцах, которые, как и местные славяне, не были тюркофонами, в то время как золотоордынские татары являлись носителями одного из кипчакских языков.

Однако этого явно недостаточно, чтобы утверждать, что крепость Черкассы была основана в золотоордынский период, т. е. до 1362 г., переселившимися сюда с северокавказского Пятигорья адыгами-черкасами. Для этого необходимо археологическое подтверждение.

Так, проведенные Д. П. Куштаном в 2002 г. раскопки в исторической части г. Черкассы дали довольно интересные результаты относительно начала функционирования посада Черкасского замка. В 2004 г. автор раскопок об этом писал: «Первый горизонт (XIV—XV вв.) отвечает периоду ранней истории города, когда он был в составе Великого княжества Литовского. Археологические исследования комплексов этого периода в Черкассах практически не проводились, потому материалы, выявленные во время раскопок по ул. Смилянской 2, являются уникальными для изучения истории города и материальной культуры его населения в литовские времена. Показательной является керамика этого периода — светлоглиняные горшки, утолщенный по краю венеч которых напоминает древнерусскую традицию. Орнаментированы они желобчатыми или волнистыми линиями на плечиках, иногда — вдавливаниями по краю венца и по валику под ним. Внутренняя поверхность горшков иногда бывает покрыта зеленой поливой. Характерными для этого времени также являются полусферические покрывки с петлеобразной ручкой сверху, сковородки-заплатки на ножках, прямостенные бокалы. Найдено также два биконических керамических пряслица и небольшой тигель для изготовления поливы. Другие находки представлены изделиями из железа: ножи, окантовка лопат, швеи, серпы» (Куштан 2004: 19—20). На основе анализа этих находок Д. П. Куштан сделал вывод о характере деятельности обитателей Черкасского посада: «Выявленные во время раскопок орудия труда свидетельствуют о хорошо развитых отраслях ремесла: гончарство, резьба по кости и рогу, кузнечное и бронзолитейное производство, прядение и швейное дело. Доказательством занятий хлебопашеством и огородничеством являются выявленные здесь орудия труда: серпы и окантовка для лопат. Большое количество костей животных свидетельствует о значительной роли животноводства и охоты. Последнее также подтверждается выявленными обрезками и заготовками из рога оленя. Достаточно большую роль играло рыболовство — найдены кости и чешуя рыб, крючок-блесна, грузила для рыболовных сетей» (Куштан 2006: 77).

Относительно времени прекращения функционирования старейшего слоя Черкасского поселения и замка Д. П. Куштан высказался в пользу того, что это следует связывать с нападением крымских татар во главе с ханом Менгли-Гиреем в 1483 г. (Куштан 2004: 20). Однако исследователь так и не уточнил, когда возникли Черкасский замок и посад —

в первой половине или в конце XIV в.? Тем не менее, известно немало случаев, когда города возникали на месте или рядом с более ранними небольшими поселениями. Такую же ситуацию можем наблюдать на месте г. Черкассы.

В связи с этим отметим, что в 1925 г. возле села Василица, которое на сегодня является северной окраиной города Черкассы, был найден клад. Он состоял из 59 золотоордынских монет, одной западноевропейской монеты и 57 женских серебряных украшений. Вещевая часть клада датируется в пределах XI—XIV вв. и находит аналогии в Поволжье, на Руси и на других территориях Восточной Европы. Что же касается монет, то наиболее ранней из них является монета хана Джанибека (747 г. х.), а наиболее поздними являются монеты времен Гийас ад-Дина Мухаммада, отчеканенные в Орде в 777 г. х. На основании этого исследователи клада считали, что он был спрятан «между 1376 и 1380 гг.». Они сделали вывод, что «клад, являясь сокровищем быстрого накопления, был спрятан человеком, который прибыл из Волго-Донского региона и имел при себе набор драгоценных украшений» (Зразюк, Строкова, Хромов 2007: 118—129). Естественно, это не может являться доказательством того, что в истории города Черкассы был золотоордынский период, ибо нет сомнений, что данная территория в конце XIV в. входила в состав Литовского княжества. Такие монетные находки могут лишь свидетельствовать о связях с Золотой Ордой. Поэтому особый интерес могут представлять артефакты, датированные более ранним временем.

В 1996 г. С. К. Рець и в 1999 г. Д. П. Куштан исследовали памятники долитовского периода на месте бывшего с. Василица, на окраине современных Черкасс (Рець 1996: 24—44; Куштан 2000: 9, 35—38). По данным Д. П. Куштана, в 1996 г. «на песчаном возвышении в пойме Днепра во время разведок был выявлен могильник и поселение XIII—XIV вв. В культурном слое были выявлены фрагменты кружалной посуды и исследовано одно погребение (№1). Здесь же было найдено значительное количество железных шлаков, что может свидетельствовать о существовании на поселении железообработного центра. В 1999 году автором на этом памятнике были исследованы еще два погребения этого же времени (№2 и 3). Покойники лежали вытянуто на спине, головой на запад, руки были сложены на животе. Погребение №1 сопровождалось бронзовой проволочной сережкой со стеклянной бусиной» (рис. 2: 1) (Куштан 2006: 75—77).

Для датировки поселения особый интерес может представлять последняя находка. Аналогичная бронзовая проволоочная сережка с двухсложным подвижным стержнем (рис. 2: 2), на конце которого размещалась бусина, была найдена среди инвентаря большого христианского могильника золотоордынского времени в Нижнем Поднепровье — Мамай-Сурка, который датируется второй половиной XIII — началом XV вв. (Ельников 2000: 44, рис. 4: 7). По словам исследователя этого комплекса М.В. Ельникова, такие вопросовидные сережки встречаются «в слоях XIV в. Волжской Булгарии (тип VI, вариант А)» (Ельников 2000: 48).

Естественно, этого явно недостаточно, чтобы утверждать, что на окраине современного г. Черкассы уже во второй половине XIII — начале XIV вв. существовало неукрепленное поселение с христианским населением. Однако благодаря Плано Карпини мы знаем, что уже раньше середины XIII в. на север от указанной территории, возле Канева, был монгольский наместник — «Алан по имени Михай» (Карпини 1957: 67—68). В связи с этим следует обратить внимание на следующее наблюдение Б.В. Черкаса относительно характера монгольского присутствия в отмеченном районе: «по крайней мере одну тьму следует локализовать на территории от современного Днепропетровска или Запорожья вдоль Днепра до Роси» (Черкас 2014: 255).

Следовательно, территория Черкасс с середины XIII в. была подконтрольна монголам, которые могли переселить туда население из подвластных им христианских земель. До недавнего времени такое предположение казалось невозможным, пока рядом не было выявлено аналогичное золотоордынское поселение с христианским населением возле с. Торговица в Кировоградской обл. (Бокій, Козир 2003).

Таким образом, имеются основания полагать, что на месте г. Черкассы уже во второй половине XIII — начале XIV вв. существовало неукрепленное поселение с христианским населением. Кем были эти жители — местными славянами или выходцами с Северного Кавказа, пока не представляется возможным установить. Тем не менее, стоит напомнить, что адыги, которых византийцы называли зихами, традиционно считались христианами. Известно, что в Восточном Причерноморье действовала Зихская епархия, подчиненная Константинопольскому патриархату. По мнению А.В. Гадло, первый христианский епископ в стране зихов появился уже в середине VI в. Зихская епархия, как самостоя-

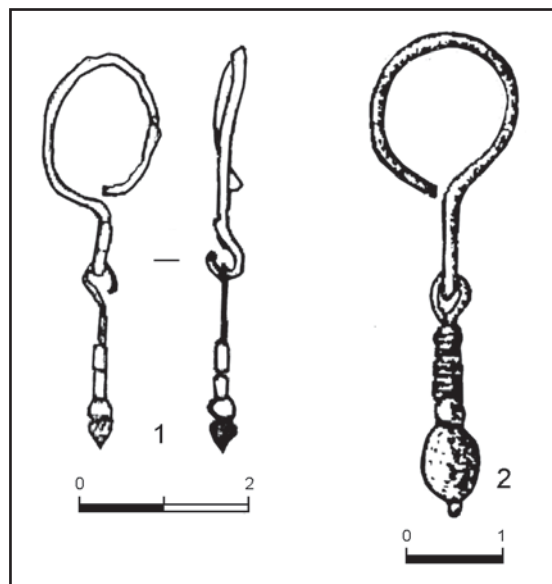

Рис. 2. Серёжки из христианских могильников золотоордынского времени: 1 — погребение №1 у с. Василица (по Рець 1996: рис. 20); 2 — могильник Мамай-Сурка (по Ельников 2000: рис. 4: 7).

Fig. 2. Earrings from Christian cemeteries of the Golden Horde time: 1 — burial no. 1 in Vasilitza village (after Рець 1996: рис. 20); 2 — Mamai-Surka cemetery (after Ельников 2000: рис. 4: 7).

тельная архиепископия Константинопольского патриархата, продолжала существовать и в XIV в. (Гадло 1991: 93—106). Черкесов, или зихов, в XV в. называли греческими христианами итальянские авторы (Барбаро 1971: 157; Поркшеян 1957: 361—362). Однако не все зихи при монголах являлись христианами, и, соответственно, переселять в Среднее Поднепровье золотоордынские правители могли и черкесов-язычников.

В связи с этим особый интерес могут представлять материалы, полученные при исследовании курганного могильника у села Яблоновка Белоцерковского р-на Киевской обл. (рис. 1). Исследователи этого некрополя — Р.С. Орлов, А.П. Моця и П.М. Покас — выделили здесь 169 курганных насыпей. Для большинства захоронений здесь было характерно наличие под курганной насыпью труположений на уровне древнего горизонта, что не было характерно для местного населения. Такой же обряд не был известен и кочевникам Поросья. По наблюдениям исследователей могильника, «в XI—XII вв. ингумации на уровне древней поверхности встречаются в северных районах Восточной Европы и на юге древнерусского государства — только в землях древлян» (Орлов, Моця, Покас 1985: 49—55).

Особый интерес также представляет инвентарь из этого могильника, который нахо-

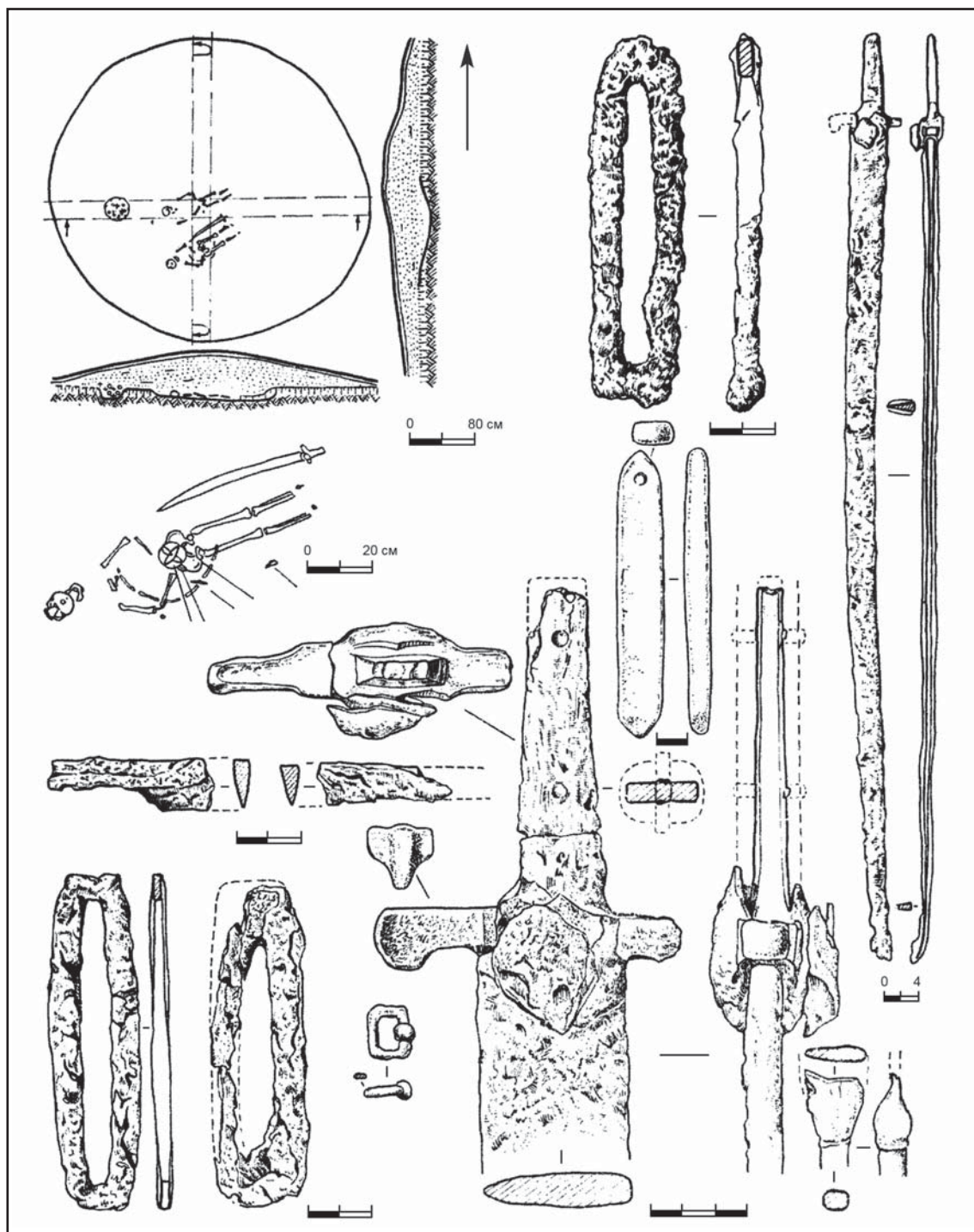

Рис. 3. Комплекс кургана №69 из с. Яблоновка, первая часть (по Орлов, Моця, Покас 1985: рис. 13).

Fig. 3. Complex from tumulus no. 69 near Yablonovka village, the first part (after Орлов, Моця, Покас 1985: рис. 13).

дит определенные аналогии среди древностей предмонгольского времени на Северном Кавказе. Так, в курганах №15, 69, 161, 157 были найдены аналогичные северокавказским зеркалам, в курганах №4, 17, 69 — сабли, в курганах №93, 162 — детали конского снаряжения, воткнутые в землю под курганный насыпью №3 и 102 наконечники стрел и копий, и т.п. Ближайшие аналоги этому инвентарю иссле-

дователи Яблоновского курганного могильника обнаружили среди находок Змейского катакомбного могильника (X—XII вв.) в Северной Осетии (Орлов, Моця, Покас 1985: 55; АРПСЗСО 1961: 56, 79). Именно это позволило исследователям могильника сделать следующее предположение: «Конечно, нельзя категорически утверждать о прямых контактах и миграции северокавказского населе-

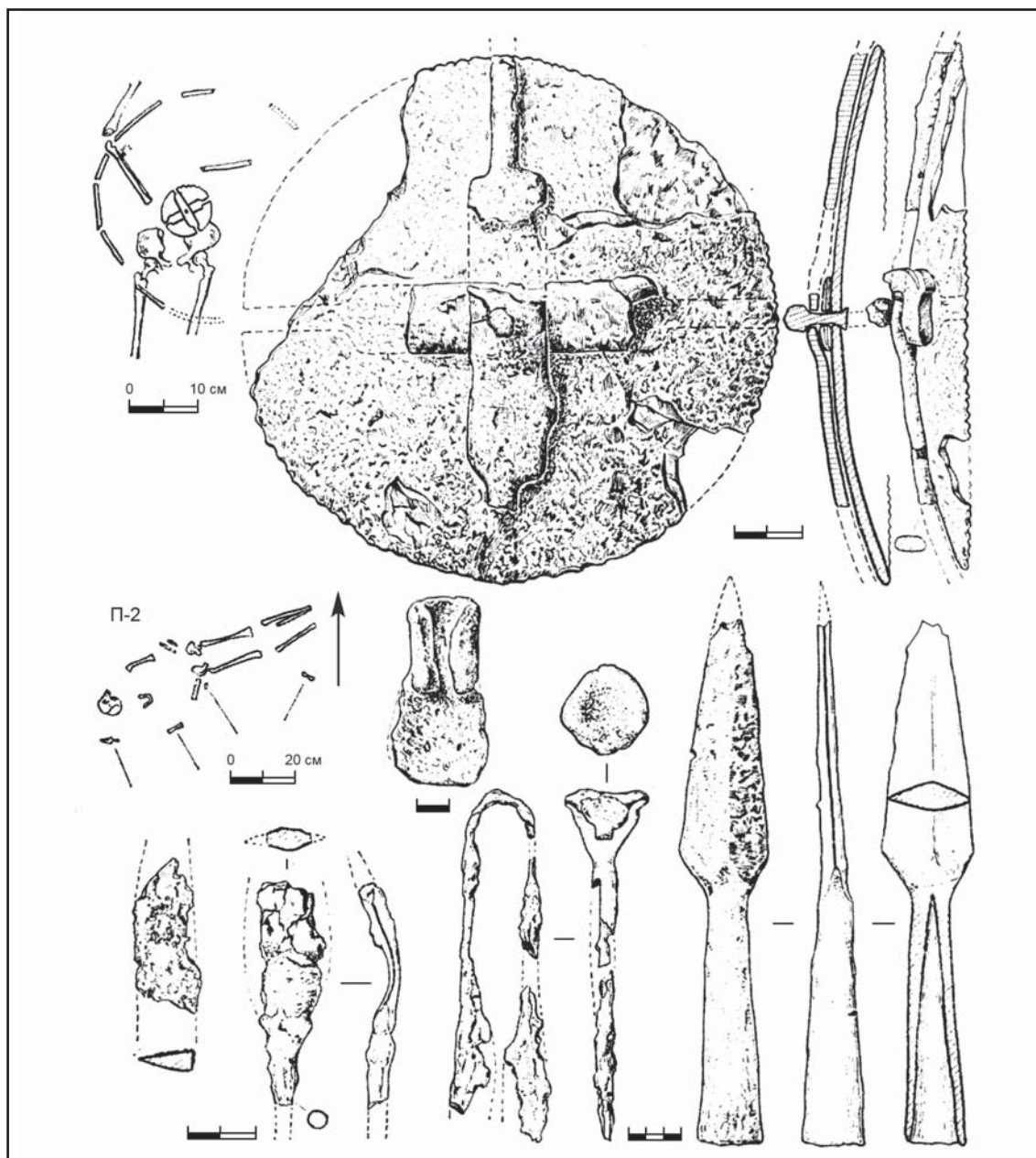

Рис. 4. Комплекс кургана №69 из с. Яблоновка, вторая часть (по Орлов, Моця, Покас 1985: рис. 14).

Fig. 4. Complex from tumulus no. 69 near Yablonovka village, the second part (after Орлов, Моця, Покас 1985: рис. 14).

ния в данный район Поросья, хотя известны случаи переселения аланских племен на Русь. Вероятно, можно говорить об определенных связях поросских славян с алано-яскими группами, которые входили в состав населения половецкой степи» (Орлов, Моця, Покас 1985: 55).

Однако антропологические исследования, проведенные П.М. Покасом среди краниологических серий Яблоновки, не выявили присутствия долихокранов так называемого «средиземноморского» типа, хотя большинство черепов оттуда принадлежали к европеоидному типу, и там был представлен «зна-

чительный элемент населения со значительной монголоидной примесью». Подытоживая П.М. Покас отметил, что яблоновская серия «занимает будто промежуточное положение между сериями древнего Юрьева и другими сериями Поросья» (Покас 1984; Орлов, Моця, Покас 1985: 59). Главное отличие яблоновских серий черепов, по словам П.Н. Покаса, в том, что они «в среднем, более широколобые и широконосы и обладают небольшой уплощенностью в верхней части лицевого отдела» (Покас 1984; Орлов, Моця, Покас 1985: 59). Однако все это не помешало исследователям Яблоновского курганного могильни-

ка отнести оставившее его население к славянам (Орлов, Моця, Покас 1985: 60). Относительно курганного могильника у с. Яблоновка П. П. Толочко отметил: «несмотря на то, что авторы раскопок подвержены яско-русской этнической атрибуции этого археологического комплекса, вряд ли есть сомнения в том, что население, которое его оставило, входило в состав чёрноклобуцко-русского союза» (Толочко 1999: 100).

Как видим, исследователи курганного могильника в Поросье возле с. Яблоновка склонны были отнести его лишь к предмонгольскому периоду и недоумевали по поводу того, откуда здесь могли появиться артефакты северокавказского происхождения.

Однако М. В. Горелик нетрадиционно подошёл к интерпретации этих археологических материалов. Речь идет о захоронении кургана №69 (рис. 3; 4) Яблоновского могильника вблизи г. Белая Церковь (летописный Юрьев). По словам М. В. Горелика, аланы здесь были ни при чём: «В рассматриваемом же памятнике погребение было совершено по обряду ингумации на горизонте, что являлось традиционным способом погребения древних адыгов, особенно ярко представленным в материалах древнеадыгской-золотоордынской белореченской культуры XIV—XV вв. Вооружение, сопровождавшее похороненного мужчину-воина, не оставляет никаких сомнений ни в его этнокультурной принадлежности, ни во временном отрезке, на который пришлась его жизнь». К этим артефактам исследователь отнёс остатки круглого щита, саблю, наконечник копья и т. п. (Горелик 2014: 73—88).

По словам М. В. Горелика, «Наиболее ярким, определяющим дату и происхождение покойника, памятником являются остатки круглого щита d=70 см, представленные железными деталями — узкими оковками по краю и умбоном в центре». «Говоря о достаточном числе аналогий, — продолжает исследователь, — мы имеем в виду более 15 находок подобных умбонов на Северо-Западном Кавказе в погребениях 2 пол. XIII — XIV вв., нередко содержащих шлемы, кольчуги, сабли и другое наступательное оружие» (Горелик 2014: 74).

Следующим датированным предметом вооружения из погребения в Поросье для М. В. Горелика стала сабля, а точнее — «ее перекрестие, асимметричное — нижний ус, как положено, длиннее верхнего, с расплюснутыми и отогнутыми вниз концами». По наблюдениям исследователя, «Подобные перекрестия — верный признак изделия золотоордынских мастеров, особенно характерный для

Северного Кавказа» (Горелик 2014: 74). Датированными оказались и бытовые предметы: «все три прямоугольно-заovalенных огнива датируются 2 пол. XIII — XIV вв. Оселок с треугольными короткими сторонами встречается обычно в золотоордынских, особенно черкесских, погребениях» (Горелик 2014: 75).

Именно все это дало основания М. В. Горелику считать, что «здесь был похоронен золотоордынский воин-черкес» (Горелик 2014: 75), реконструкцию вооружения которого он и сделал (рис. 5). В результате этого последовало следующее заключение: «Можно предположить, что мы рассмотрели погребение одного из тех черкесских воинов, которые были переселены золотоордынской администрацией в стратегически важный район для укрепления позиций против начинавшегося усиления и претензий на данный регион Великого княжества Литовского и Русского. Переселение могло иметь место от середины XIII в., когда Среднее Поднепровье вошло в границы кочевий чингизидов Хурмиши (Куремсы), до 1362 г., когда в битве при Синих Водах Ольгерд Литовский отвоевал у Улуса Джучи власть над Киевщиной». В результате, по мнению исследователя, и появилось поселение, носящее имя переселенцев — «Черкассы» (Горелик 2014: 75).

Действительно, если посмотреть на карту (рис. 1), то курганный могильник возле с. Яблоновка и г. Черкассы находятся недалеко друг от друга. Казалось бы, не может быть никаких сомнений в выводах М. В. Горелика. Однако при детальном рассмотрении ситуация может оказаться намного сложнее.

Так, М. В. Горелик об исследованном им погребении из кургана №69 отмечает, что оно было совершено по обряду ингумации на горизонте, что находит аналогии «в материалах древнеадыгской-золотоордынской белореченской культуры XIV—XV вв.» (Горелик 2014: 74). При этом исследователь не привлек материалы с самого Белореченского курганного могильника.

Как известно, курганный могильник близ станции Белореченской в Прикубанье исследовал в начале XX в. Н. И. Веселовский. Тогда он вскрыл 84 кургана, которые дали богатый материал. Но отчеты о раскопках были очень лаконичны и не содержали чертежи раскопанных курганов. Поэтому приходится полагаться лишь на слова автора раскопок и тех исследователей, которые изучали эти материалы.

Так, наблюдения В. П. Левашевой над погребальным обрядом этого могильника дали следующую картину: «Курганы имели вид земляных насыпей полушарной формы. Вы-

№5. 2019

сота их от 0,75 до 7 м. Диаметры в отчетах не указаны, но, реконструируя планы и профили курганов по тем скудным данным, какие удалось извлечь из отчетов, можно считать, что малые курганы имели диаметр около 3 м, средние 6—8 м, а большие 15—20 м. Малые курганы высотой до 1,5 м составляют 25 процентов общего количества раскопанных, средние, в 2—3 м высотой, — 60 процентов и крупные, в 4—7 м высотой, — 15 процентов. В земляных насыпях почти всегда встречается уголь или в виде тонкого слоя по материке, или в виде куполообразной насыпи над могилой или наземным склепом. Это как бы внутренние угольные курганы, засыпанные землей, достигают иногда до 1,8 м высоты и до 6,5 м в диаметре... Каждый курган насыпался для одного погребенного, только однажды встретилось два захоронения в одной могильной яме... В насыпи двух больших курганов, содержавших богатые мужские погребения, найдены разбитые глиняные сосуды, — по-видимому, следы тризны» (Левашева 1953: 166).

Наблюдения В. А. Фоменко дополняют картину: «Объективно говоря, курганы, раскопанные у станицы Белореченской на рубеже XIX—XX вв., не относятся к одному могильнику, т.к. они не расположены компактно, а разбросаны по значительному участку долины р. Белой и в сегодняшнем понимании представляют собой группу могильников. Но в литературе закрепилось восприятие этих курганов как единого памятника. Подкурганые погребальные сооружения здесь в большинстве случаев представляли собой грунтовые ямы, изредка имевшие заплечики. Были выявлены остатки деревянных перекрытий, опиравшихся на заплечики. Одна из ям с заплечиками была перекрыта сводом из сырцовых кирпичей. Грунтовые ямы в курганах были прямоугольной формы и довольно сильно различались в размерах. В ямах прослежены деревянные гробы, гробовища и колоды. Среди погребальных конструкций были и относительно немногочисленные “деревянные склепы” на горизонте. Одно захоронение было совершено в медном гробу. Труположения вытянутые, головой на запад» (Фоменко 2018: 118).

Это описание погребального обряда не совсем соответствует тому, что увидели исследователи на курганном могильнике возле с. Яблоновка в Поросье: «Высота раскопанных курганов над уровнем современной поверхности 0,2—1,5 м, диаметр от 4 до 12 м. Форма круглая или овальная в плане, насыпи состояли из слоя светлого песка и по-

Рис. 5. Золотоордынский воин-черкес в вооружении из кургана №69 возле с. Яблоновка (реконструкция М.В. Горелика (по Горелик 2014: рис. 11)).

Fig. 5. Armed Golden Horde Circassian warrior from tumulus no. 69 near Yablonovka village (reconstruction by M.V. Gorelik (after Горелик 2014: рис. 11)).

крыты дерном. В подавляющем большинстве исследованных курганов обнаружены остатки труположений на уровне древнего горизонта — обряд, не использовавшийся автохтонным населением на территории Среднего Поднепровья с конца I тыс.н.э. В кургане №3 открыты остатки кремации умершего, а еще несколько насыпей представляли собой меморативные сооружения. Пережитки обряда сожжения в виде угольков и золы отмечены во многих курганах» (Орлов, Моця, Покас 1985: 49, 55).

Стало быть, именно выходцы из района Белоречья в Прикубанье не могли оставить курганный могильник вблизи с. Яблоновка в Поросье. Но это могли быть переселенцы из других районов Северо-Западного Кавказа. В связи с этим следует обратить внимание на следующие наблюдения В. А. Фоменко: «С белореченской культурой связывают также материалы Борисовского, Убинского, Псекупских могильников. Кроме того, на Северо-Западном Кавказе известно множество других погребальных памятников, близ-

ких в этнокультурном отношении» (Фоменко 2018: 41). Остается найти среди эти памятников те, которые бы были очень близки поросским.

Материалы погребальных памятников региона в XI—XIII вв. демонстрируют сосуществование множества обрядов, сочетавших разнообразные признаки: грунтовые и подкурганные погребения, ингумационные и кремационные, в ямах и на горизонте, в простых могилах и со сложным профилем (с заплечиками, с подбоем), с погребальными конструкциями (каменными ящиками, гробами, керамическими урнами) и без них, с каменными набросками, оградками, обкладками, стелами и без них, с различной ориентировкой, с сопутствующим захоронением лошади и без выраженных признаков культа коня и т.п. Однако на рубеже XIV—XV вв. археологическая картина региона выглядит довольно однородной: от района Сочи до Анапы, в предгорьях Закубанья и в устье р. Псекупс основным типом погребальных памятников становятся курганные группы с ингумационными погребениями в неглубоких ямах или на горизонте, с западной ориентировкой, без костей лошади или предметов упряжи (Фоменко 2002; Армарчук, Дмитриев 2003: 207—268; Дружинина 2018: 104—108;).

Тем не менее, подкурганные ингумационные захоронения на уровне горизонта с западной ориентацией на рубеже XIII—XIV вв. не имели широкого распространения во многих районах Северо-Западного Кавказа. По материалам курганных могильников адыгов И. А. Дружинина выделила три варианта расположения погребений относительно уровня древней дневной поверхности: 1) погребения на уровне древнего горизонта; 2) погребения в могильных ямах; 3) погребения на искусственном возвышении. Первый тип имел распространение в золотоордынское время, например, на Северо-Восточном побережье Черного моря — от района Новороссийска до р. Мзымта (район Сочи — Адлер). Однако там такие могилы были окружены каменными обкладками по основанию. Ориентировка могил была по линии В-З. Датировка этих комплексов — XIV—XV вв. Они находят прямые аналогии в синхронных подкурганных погребениях предгорий Западного Закубанья. Подобные курганные ингумационные могильники, где погребенные находились на уровне древней поверхности, имели также широкое распространение в районе Пятигорья. Наиболее показательным из них является могильник в урочище Гора, располагавшийся на возвышенности левого берега р. Под-

кумок. Он насчитывал 62 насыпи, из которых раскопано 14. Рассмотрение особенностей погребального обряда и инвентаря могильника на широком фоне материалов погребальных памятников Северного Кавказа позволило И. А. Дружининой датировать памятник концом XIII — XIV вв. (Дружинина 2018a: 256—366).

В данном случае примечательна связь с Пятигорьем. Позволим напомнить, что в Черкассах на Днепре одна из окраин города называется Бешту (от Бештау — «Пять гор») (Стрижак 1967). Отметим также, что напротив, на левом берегу Днепра, на берегах р. Слипород, которая является правым притоком р. Сулы, до сих пор существует село Пятигорцы (рис. 1). Следует также вспомнить, что в люстрации от 1552 г. среди большого количества имен местных жителей различного происхождения в Каневском замке упомянут антропоним «Степанец Пятигорчин» (АЮЗР 1886: 104). Однако у нас нет пока доказательств того, что в район Среднего Поднепровья переселялись черкесы именно из района Пятигорья. Для этого должны быть доказательства археологического характера. Тем не менее, имеющиеся данные позволяют относить такую миграцию уже к XIII в.

Из их числа следует выделить фрагмент сочинения Георгия Пахимера (1242 — около 1310 гг.) «История о Михаиле и Андронике Палеологах», где зихи отнесены к числу христианских народов Северного Причерноморья. Византийский автор, повествуя о деяниях мятежного хана Ногай, отметил следующее: «Ногай из Тохарцев (монголо-татар. — О. Б.) был человек могущественный, опытный в управлении и искушенный в делах воинских. Посланный от берегов Каспийского моря начальником своего народа, носившим названия ханов, с многочисленными войсками из туземных Тохарцев, которые назывались Монголами, он напал на племена, обитавшие к северу от Эвскинского Понта (Черного моря. — О. Б.), издавна подчиненные Римлянам (византийцам. — О. Б.), но по взятии города (Константинополя. — О. Б.) Латинянами и по причине крайнего расстройств Римских дел, отложившиеся от своих владык и управлявшиеся самостоятельно. При первом своем появлении, Ногай взял те племена и поработил. Видя же, что завоеванные земли хороши, а жители легко могут быть управляемы, он отложился от пославших его ханов и покоренные народы подчинил собственному своему владычеству. С течением времени соседние, обитавшие в тех странах племена, каковы Аланы, Зикхи, Готы, Руссы и многие другие,

изучив их язык и вместе с языком, по обычаю, приняв их нравы и одежду, сделались их союзниками на войне. От этого Тохарское племя, скоро до чрезвычайности распространилось, сделалось могущественным и, по своей воле, неодолимым, так что, когда напали на него, как на племя возмущившееся, верховные его повелители, оно не только не поддавалось им, но и еще множество их положило на месте» (Георгий Пахимер 1862: 317). Стало быть, Георгий Пахимер, живший в конце XIII — начале XIV вв., был современником описанных событий и поэтому его сообщение о нахождении зихов уже во второй половине XIII в. в Северном Причерноморье заслуживает доверия. Естественно, эти зихи были сосредоточены в определенных районах северо-причерноморского региона.

Однако данное сообщение порождает ряд вопросов. Во-первых, были ли среди народов Северного Причерноморья, подвергшихся нападению Ногай, зихи, или они пришли вместе с Ногаем с Кавказа? Во-вторых, не ясно, о каких зихах идет речь — об обитавших на границах с Русью в Поднепровье или об обитавших рядом с готами в Крыму?

Если исходить из содержания сообщения Георгия Пахимера, можно полагать, что Ногай мог поселить зихов (черкесов) вдоль пределов своего улуса как в Крыму, на границах с Готией, так и на границе с Русью, в Среднем Поднепровье. Это был период правления первых золотоордынских ханов Бату (1227—1255 гг.), Сартака (1255—1256 гг.), Берке (1257—1267 гг.) и Менгу-Тимура (1266—1282 гг.).

Известно, что правитель Ногай в 70-е гг. XIII в. отделился от ханов Золотой Орды и правил в Северном Причерноморье вплоть до 1300 г. В период своего расцвета улус Ногай охватывал огромные территории от Яика до Дуная (Кулаковский 1899: 66). Естественно, что в своих экспансионистских намерениях Ногай должен был опереться на значительные вооруженные силы. Известно, что в 1262—1263 г., во времена правления хана Берке, Ногай активно участвовал в боевых действиях на Кавказе (Егоров 1985: 33). Таким образом, в это время Ногай мог включить в состав своего войска подразделения из числа народов Северного Кавказа, включая черкесов (черкасов), и использовать их боевой потенциал в Северном Причерноморье.

Исследователи курганного могильника вблизи Яблоновки в Поросье отметили также в кургане №3 «остатки кремации умершего» (Орлов, Моця, Покас 1985: 49, 55). В связи с этим особый интерес могут пред-

ставлять наблюдения А.В. Пьянкова, который проанализировал все известные случаи бытования наиболее поздних кремаций на Северо-Западном Кавказе. По его мнению, «погребения с трупосожжениями, которые можно было бы отнести ко времени позднее XIII века, нам не известны. И, вероятно, причины отказа средневековых адыгов от кремирования умерших следует искать в событиях грозного XIII века» (Пьянков 1998: 25). Позволим согласиться с предположением А.В. Пьянкова и в связи с этим обратим внимание на следующее сообщение Рашид ад-Дина: «в нокай-ил, год собаки, соответствующий 635 г.х. [август 1237 г. — август 1238 г.], осенью Менгу-каан и выступили против черкесов (ч-р-к-с. — О.Б.) и зимой убили тамошнего государя по имени Тукара...» (Тизенгаузен 1941: 37). Не исключено, что уже тогда монголы могли включить часть побежденных черкесов в состав своего войска и вместе с ними двинуться в Среднее Поднепровье. Тем не менее, Плано Карпини, который в начале 1246 г. побывал здесь, ничего не сообщает о нахождении возле Киева и Канева «чиркасов» (Карпини 1957: 67—68). Однако следует учитывать, что итальянский путешественник в Поросье побывал только в Каневе.

Возникает вопрос: что же побуждало правителей Золотой Орды расселять черкесов за пределами Северного Кавказа, на приграничных территориях? Н.А. Шафиев по этому поводу отметил: «мы предполагаем, что пребывание адыгов в обозначенных местах могло быть связано с их службой в качестве наемников. ...Ханские и прочие правители часто для безопасности границ и для удержания чужих завоеванных земель переселяли представителей воинствующих народов — профессиональных конников-воинов к границам государства или вербовали их за доброе жалованье к другому государству. Высказанная мысль подтверждается многочисленными фактами о славе черкесской конницы» (Шафиев 1968: 35—36). Таким образом, в период мирной стабилизации в Улусе Джучи золотоордынские ханы довольно быстро сделали своими главными вассалами на Северном Кавказе правителей адыгов, как наиболее многочисленного народа в регионе.

Подобных взглядов придерживался М.В. Горелик, который, однако, считал, что причиной такого высокого социального статуса черкесов в Золотой Орде было их вооружение: средняя конница в латах с саблями и отдельными предметами защитного вооружения; легкие конные лучники. «Черкесам принадлежало, — считает исследова-

тель, — создание знаменитого “черкесского клинка”... специфической системы оковки щита; одного из типа забрал личин, технологически самых простых; вероятно, также и пластинчато-кольчатого доспеха — вершины панцирного искусства Востока». По словам М. В. Горелика, «людей, выставивших такой немислимый процент латной конницы, да еще изготовлявших передовое оружие высшего качества в масштабах, позволявших вооружать не только себя, но и соседей, следовало всячески отличать» (Горелик 2014: 76).

Стало быть, первоначальной функцией черкесской колонии в Поросье, которая уже появилась здесь во второй половине XIII в.,

была не защита северо-западной границы Улуса Джучи от нападений литовских князей, а причина более банальная — репрессии против соседнего славянского населения Южной Руси. Особенно эта военная помощь черкесов была необходима монголам тогда, когда они собирали ежегодную дань. Что же касается пребывания черкесов на берегах Днепра в Черкассах и Каневе, то очевидно, что основной их функцией здесь были обслуживание и охрана речных переправ. Вполне возможно, что в начале XIV в., когда появилась угроза со стороны Великого княжества Литовского, в Среднее Поднепровье были переселены новые военные подразделения черкесов.

Литература

- Адыги... 1974: Гарданов В. К. (ред.-сост.). 1974. Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII—XIX вв. Нальчик: Эльбрус.
- АОИЗР 1848: Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археологической комиссией. 1848. В 5 т. Т. 2. Санкт-Петербург: Типография II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии.
- Армарчук Е. А., Дмитриев А. В. 2003. Памятники Северо-Восточного Причерноморья X—XIII вв. В: Макарова Т. И., Плетнева С. А. (отв. ред.). Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV—XIII вв. Археология СССР 18 (20). Москва: Наука, 207—268.
- АРПСЗО 1961: Археологические раскопки в районе станицы Змейской Северной Осетии. 1961. Труды археологической экспедиции 1953—1957 гг. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство.
- АЮЗР 1886: Архив Юго-Западной России, издаваемый комиссией для разбора древних актов, состоящей при киевском военном, подольском и вольнском генерал-губернаторе. 1886. Ч. 7. Т. 1. Киев: Типография Т. Г. Корчак-Новицкого.
- Барбаро И. 1971. Путешествие в Тану. В: Скржинская Е. Ч. (вступ. ст., подгот. текста, перев. и коммент.). Барбаро и Контарини о России: к истории итало-русских связей XV в. Ленинград: Наука, 9—188.
- Бокій Н., Козир І. 2003. Комплекс золотоординського часу біля с. Торговиця на Кіровоградщині (попередня публікація). В: Шабульдо Ф. М. (наук. ред.). Центральна Україна за доби класичного середньовіччя: студії з історії XIV ст. Київ: ІУ НАНУ, 41—83.
- Волкова Н. Г. 1973. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. Москва: Наука.
- Воскресенская летопись 1856: Летопись по Воскресенскому списку. 1856. ПСРЛ 7. Санкт-Петербург: Типография Э. Праца.
- Гадло А. В. 1991. Византийские свидетельства о Зихской епархии как источник по истории Северо-Восточного Причерноморья. В: Курбатов Г. Л. (отв. ред.). Из истории Византии и византиноведения. Ленинград: ЛГУ, 93—106.
- Георгий Пахимер. 1862. История о Михаиле и Андронике Палеологах. В: Византийские историки. Т. I. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургская духовная академия, 1—526.
- Горелик М. В. 2014. Погребение черкесского воина 2 пол. XIII — 1 пол. XIV вв. в Поросье. В: Дми-
трієнко М. Ф. (гол. ред.). Історія давньої зброї. Дослідження. Київ: ІУ НАНУ, 73—88.
- Горленко В. Ф. 1982. Об этнониме черкасы в отечественной науке конца XVIII — первой половины XIX вв. СЭ (3), 96—107.
- Дружинина И. А. 2018. К этнокультурной характеристике населения Северо-Западного Кавказа XI—XIII вв. В: Восточная Европа в древности и средневековье. XXX Юбилейные чтения памяти чл.-корр. АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. Москва: ИВИ РАН, 104—108.
- Дружинина И. А. 2018а. Погребальные памятники Северо-Восточного Причерноморья и Северного Кавказа XIII—XVIII вв. как источник по истории адыгских народов. Дисс. ... канд. ист. наук. Москва.
- Егоров В. Л. 1985. Историческая география Золотой Орды в XIII—XIV вв. Москва: Наука.
- Ельников М. В. 2000. Средневековый могильник Мамай-Сурка в Нижнем Поднепровье. АЛЛУ 7—8 (1—2), 42—53.
- Зразюк З. А., Строкова Л. В., Хромов К. К. 2007. Монетно-вещевой клад третьей четверти XIV в. из с. Василица Черкасского района Черкасской области (монетная часть). В: Хромов К. К. (ред.). Восточная нумизматика в Украине. Ч. 2. Монеты Джучидов и сопредельных государств в XIII—XV вв. Киев: Купола, 118—129.
- КРО 1957: Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв.: документы и материалы. 1957. Т. 1, 2. Москва: АН СССР.
- Карамзин Н. М. 1892. История государства Российского. Т. 5. Санкт-Петербург: Издательство Е. Евдокимова.
- Карпини Плано. 1957. История монгалов. В: Шастина Н. П. (ред.). Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. Москва: Географиз, 1—65.
- Коков Дж. Н. 1974. Адыгская (черкесская) топонимия. Нальчик: Эльбрус.
- Кулаковский Ю. А. 1899. Аланы по сведениям классических и византийских писателей. Киев: Типография университета Св. Владимира.
- Куштан Д. П. 2000. Звіт про археологічні розвідки у Черкаській області за 1999 р. НА ІА НАНУ.
- Куштан Д. 2004. Нові дослідження посаду Черкаського замку. В: Нові дослідження пам'яток козацької доби в Україні 13. Київ: ЦП НАНУ і УТОПІК, 19—22.
- Куштан Д. 2006. Рання історія міста Черкаси на основі археологічних джерел. В: Північне Причорномор'я

№5. 2019

- i Крим у добу середньовіччя (XIV—XVI ст.)*. Матеріали міжнародної наукової конференції, присвяченої 10-літтю археологічних досліджень золотоординської пам'ятки в с. Торговиці. Кіровоград, 75—81.
- Левашева В.П. 1953. Белореченские курганы. В: *Археологический сборник*. Труды ГИМ 22. Москва: ГИМ, 165—213.
- Новая грамота... 2014. Новая грамота князя Фёдора Кориатовича 1392 г. 2014. В: Миккульский Ю.М. (отв. ред.). *Беларуская даўніна 1*. Минск: Беларуская даўніна, 147—150.
- Орлов Р.С., Моця А.П., Покас П.М. 1985. Исследования летописного Юрьева на Руси и его окрестностей. В: Толочко П.П. (отв. ред.). *Земли Южной Руси в IX—XIV вв.* Киев: Наукова думка, 30—61.
- Покас П.М. 1984. О физическом типе древнерусского населения Правобережья Украины. В: Круц С.И. (отв. ред.). *Антропологические данные о составе древнего населения на территории Украины*. Киев: Наукова думка, 66—75.
- Поркшеян Х.А. 1957. К вопросу о пребывании адыгов в Крыму и об их взаимоотношениях с народами Крыма в эпоху средневековья. *Учёные записки Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института* 13. Нальчик, 335—367.
- Пьянков А.В. 1998. О времени прекращения кремления умерших у средневековых адыгов. *Древности Кубани* 11. Краснодар, 22—27.
- Рець С.К. 1996. *Звіт про археологічні розвідки і спостереження в районі м. Черкаси*. 1996 р. НА ІА НАНУ.
- Стрижак О.С. 1967. Назва веде до глибин. *Молодь України*. 27 серпня.
- Супрасльская летопись. 1980. В: Улащик Н.Н. (сост.). *Летописи белорусско-литовские*. ПСРЛ 35. Москва: Наука, 36—67.
- Тизенгаузен В.Г. 1941. *Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды 2. Извлечения из персидских сочинений*. Москва; Ленинград: АН СССР.
- Тихомиров М.Н. 1952. «Список русских городов дальних и ближних». В: *Исторические записки* 40. Москва: АН СССР, 214—259.
- Толочко П.П. 1999. *Кочевые народы степей и Киевская Русь*. Киев: Абрис.
- Фоменко В.А. 2002. *Пятигорье в XV — середине XVIII века*. Пятигорск: ПГТУ.
- Фоменко В.А. 2018. Белореченские курганы XIII—XV вв. и белореченская археологическая культура. В: Прокопенко Ю.А. (отв. ред.). *Из истории культуры народов Северного Кавказа* 10. Ставрополь: СКФУ, 117—126.
- Фоменко В.А., 2018а. О роли белореченской археологической культуры в этногенезе населения Центрального Кавказа. *Общество: философия, история, культура* (3), 40—43.
- Черкас Б. 2014. *Західні володіння Улусу Джучи: політична історія, територіально-адміністративний устрій, економіка, міста*. (XIII—XIV ст.). Київ: ІУ НАНУ.
- Шафиев Н.А. 1968. *История и культура кабардинцев в период позднего средневековья (XIV—XVI вв.)*. Нальчик: Эльбрус.

References

- Gardanov, V.K. (ed., comp.). 1974. *Adygi, balkartsy i karachaevtsy v izvestiakh evropeiskikh avtorov XIII—XIX vv. (The Adyghe, Balkars and Karachay in European Accounts of 13—19th Centuries)*. Nalchik: "El'brus" Publ. (in Russian).
- Akty, otносиashchiesia k istorii Zapadnoi Rossii, sobrannye i izdanye Arkheograficheskoiu komissiei (Acts Related to the History of Western Russia, Collected and Edited by the Archaeographic Committee). 1848. In 2 vols. Vol. 2. Saint Petersburg: Typography of the Second Unit of His Royal Majesty's Shancellary (in Russian).
- Armarchuk, E.A., Dmitriev, A.V. 2003. In Makarova, T.I., Pletneva, S.A. (eds.). *Krym, Severo-Vostochnoe Prichernomor'e i Zakavkaz'e v epokhu srednevekov'ia (The Crimea, North-Eastern Black Sea Region, and Transcaucasia in the Middle Ages; the 4th—13th Centuries)*. "Archaeology" Series 18 (20). Moscow: "Nauka" Publ., 207—268 (in Russian).
- Arkheologicheskie raskopki v raione stanitsy Zmeiskoi Severnoi Osetii (Archaeological Excavations in the Area of the Zmeyskaya Village, North Ossetia). 1961. Series: Trudy arkheologicheskoi ekspeditsii 1953—1957 gg. (Proceedings of the Archaeological Expedition, 1953—1957). Ordzhonikidze: "Severo-Osetinskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
- Arkhiv Iugo-Zapadnoi Rossii, izdavaemyi komissiei dlia razbora drevnikh aktov, sostoiashchei pri kievskom voennom, podol'skom i volynskom general-gubernatore (Archive of South-Western Russia Edited by the Commission for Analysis of Ancient Acts, subordinate to the Kiev Military, Podolia and Volhynia Governor-General). 1886. Part 7. Vol. 1. Kiev: Typography of T.G. Korchak-Novitsky (in Russian).
- Barbaro, G. 1971. In Skrzhinskai, E. Ch. (introd., prep., transl. & comments). *Barbaro i Kontarini o Rossii. K istorii italo-russkikh svyazei v XV v. (Barbaro and Contarini on Russia. To the History of Italian-Russian Connections in 15th Century)*. Leningrad: "Nauka" Publ., 9—188 (in Russian).
- Bokij, N., Kozyr, I. 2003. In Shabul'do, F.M. (ed.). *Tsentral'na Ukraina za doby klasychnoho seredn'ovichchya: studii z istorii XIV st. (Central Ukraine in the High Middle Ages: Studies on the History of 14th Century)*. Kiev: Institute for the History of Ukraine, National Academy of Sciences of Ukraine, 41—83 (in Ukrainian).
- Volkova, N.G. 1973. *Etnonimy i plemennye nazvaniia Severnogo Kavkaza (Ethnonyms and Names of Tribes in the Northern Caucasus)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Letopis' po Voskresenskomu spisku (Resurrection Version Chronicle). 1856. Series: Polnoe sobranie russkikh letopisei (Complete Collection of Russian Chronicles) 7. Saint Petersburg: Eduard Prats typography (in Russian).
- Gadlov, A.V. 1991. In Kurbatov, G.L. (ed.). *Iz istorii Vizantii i vizantinovedeniia (From the History of Byzantium and Byzantine Studies)*. Leningrad: Leningrad State University, 93—106 (in Russian).
- George Pachymeres. 1862. *Istoriia o Mikhaili i Andronike Paleologakh (History of Michael and Andronicus Palaeologus)*. In *Vizantiiskie istoriki (Byzantine Historians)* I. Saint Petersburg: Saint Petersburg Theological Academy, 1—526 (in Russian).
- Gorelik, M.V. 2014. In Dmitrienko, M.F. (ed.-in-chief). *Istoriya davn'oi zbroi. Doslidzhenni (History of Ancient Weapons: Research)*. Kiev: Institute of History, National Academy of Sciences of Ukraine, 73—88 (in Russian).
- Gorlenko, V.F. 1982. In *Sovetskaia etnografiia (Ethnography of Soviet Union)* (3), 96—107 (in Russian).
- Druzhinina, I.A. 2018. In *Vostochnaia Evropa v drevnosti i srednevekov'e (Eastern Europe in the Antiquity and Middle Ages)*. Moscow: Institute for Universal History, Academy of Sciences of the USSR, 104—108 (in Russian).
- Druzhinina, I.A. 2018. *Pogrebal'nye pamiatniki Severo-Vostochnogo Prichernomor'ia i Severnogo Kavkaza XIII—XVIII vv. kak istochnik po istorii adygsikh narodov (Funerary Sites of the North-Eastern Black Sea Region and the Northern Caucasus as a Source for the History of Adyghean Peoples)*. PhD Diss. Moscow (in Russian).
- Egorov, V.L. 1985. *Istoricheskaia geografiia Zolotoi Ordy v XIII—XIV vv. (Historical Geography of the Golden Horde in the 13th—14th Centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Elnikov, M.V. 2000. In *Arkheologichnyi litopys Livoberezhnoi*

- Ukrainy (Archaeological Chronicle of Left-Bank Ukraine)* 7—8 (1—2), 42—53 (in Russian).
- Zraziuk, Z.A., Strokova, L.V., Khromov, K.K. 2007. In Khromov, K.K. (ed.). *Vostochnaia numizmatika v Ukraine (Oriental Numismatics in Ukraine)* 2. *Monety Dzhuchidov i sopredel'nykh gosudarstv v XIII—XV vv. (Coins of Jochids and Adjacent States in 13th—15th Centuries)*. Kiev: "Kupola" Publ., 118—129 (in Russian).
- Musukaev, A.I., Kuz'minov, P.A. (eds.). 1957. *Kabardino-russkie otnosheniia v XVI—XVIII vv.: dokumenty i materialy (Kabardinian-Russian Relations in 16th—18th Centuries: Documents and Materials)*. Vols. 1, 2. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
- Karamzin, N.M. 1892. *Istoriia gosudarstva Rossiiskogo (History of the Russian State)* 5. Saint Petersburg: "E. Evdokimov" Publ. (in Russian).
- Plano Carpini, G. del. 1957. *Istoriia mongalov (Ystoria Mongolorum)*. In Shastina, N.P. (ed.). *Puteshestviia v vostochnye strany Plano Karpini i Rubruka (The Journeys of Plano Carpini and William of Rubrouck to the Eastern Parts)*. Moscow: "Gosudarstvennoe izdatel'stvo geograficheskoi literatury" Publ., 1—65 (in Russian).
- Kokov, Dzh.N. 1974. *Adygskaia (cherkesskaia) toponimiia (Adygean (Circassian) Toponymy)*. Nalchik: "El'brus" Publ. (in Russian).
- Kulakovskii, Yu.A. 1899. *Alany po svedeniiam klassicheskikh i vizantiiskikh pisatelei (Alans According to Classical and Byzantine Writers)*. Kiev: Typography of St. Vladimir University (in Russian).
- Kushtan, D.P. 2000. *Zvit pro arkeolohichni rozvidky u Cherkas'kij oblasti za 1999 r. (Report on the Archaeological Field Surveys in the Cherkassy Oblast in 1999)* Scientific Archive of the Institute for Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine (in Ukrainian).
- Kushtan, D. 2004. In *Novi doslidzhennia pam'yatok kozats'koi doby v Ukraini (Recent Studies of Sites of the Cossacs Time in Ukraine)* 13. Kiev: Archaeological Sites Research Center, National Academy of Sciences of Ukraine; Ukrainian Society for Protection of Historical and Cultural Heritage, 19—22 (in Ukrainian).
- Kushtan, D. 2006. In *Pivnichne Prychornomor'ya i Krym u dobu seredn'ovichchya (XIV—XVI st.) (Northern Black Sea Region and the Crimea in the Middle Ages: 14th—16th Centuries)*. Kirovohrad, 75—81 (in Ukrainian).
- Levasheva, V.P. 1953. In *Arkheologicheskii sbornik (Archaeological Collected Papers)*. Series: *Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum)* 22. Moscow: State Historical Museum, 165—213 (in Russian).
- Novaia gramota kniazia Fedora Koriatovicha 1392 g. (New Charter of the Prince Theodor Koriatowicz of 1392). 2014. In Mikul'skii, Yu.M. (ed.). *Belaruskaya daŭnina (Belorussian Past)* 1. Minsk: "Belaruskaya daŭnina" Publ., 147—150 (in Russian).
- Orlov, R.S., Motsia, A.P., Pokas, P.M. 1985. In Tolochko, P.P. (ed.). *Zemli Iuzhnoi Rusi v IX—XIV vv. (Southern Russian Lands in 9th—14th Centuries)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ., 30—61 (in Russian).
- Pokas, P.M. 1984. In Kruts, S.I. (ed.). *Antropologicheskie dannye o sostave drevnego naseleniia na territorii Ukrainy (Anthropological Data on Composition of Ancient Population in the Territory of Ukraine)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ., 66—75 (in Russian).
- Porksheian, Kh.A. 1957. In *Uchenye zapiski Kabardino-Balkarskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta (Scientific Proceedings of Kabardino-Balkarian Scientific and Research Institute)* 13. Nalchik, 335—367 (in Russian).
- Pyankov, A.V. 1998. In *Drevnosti Kubani (Kuban Antiquities)* 11. Krasnodar, 22—27 (in Russian).
- Rets', S.K. 1996. *Zvit pro arkeolohichni rozvidky i sposterezheniya v rajoni m. Cherkasy. 1996 r. (Report on Archaeological Field Surveys and Observations in the Area of the Cherkassy Town in 1996)*. Scientific Archive of the Institute for Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine (in Ukrainian).
- Stryzhak, O.S. 1967. In *Molod' Ukrainy (Youth of Ukraine)*, 27 August (in Ukrainian).
- Suprasl'skaia letopis' (Suprasl Chronicle). 1980. In Ulashchik, N.N. (comp.). *Letopisi belorusko-litovskie (Belorussian and Lithuanian Chronicles)*. Series: *Polnoe sobranie russkikh letopisei (Complete Collection of Russian Chronicles)* 35. Moscow: "Nauka" Publ., 36—67 (in Russian).
- Tiesenhausen, V.G. 1941. *Sbornik materialov, otnosiashchikhsia k istorii Zolotoi Ordy (Collected Works Related to the History of the Golden Horde)* II. *Iz vlecheniia iz persidskikh sochinenii (Excerpts from Persian Writings)*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
- Tikhomirov, M.N. 1952. In *Istoricheskie zapiski (Historical Notes)* 40. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 214—259 (in Russian).
- Tolochko, P.P. 1999. *Kochevye narody stepei i Kievskaya Rus' (Nomad People of the Steppes and the Kievan Rus')*. Kiev: "Abris" Publ. (in Russian).
- Fomenko, V.A. 2002. *Piatigor'e v XV — seredine XVIII veka (Pyatigorsk Region in the 15th — Early 18th Centuries)*. Pyatigorsk: Pyatigorsk State Technical University (in Russian).
- Fomenko, V.A. 2018. In Prokopenko, Yu.A. (ed.). *Iz istorii kul'tury narodov Severnogo Kavkaza (From the History of Culture of Peoples of the Northern Caucasus)* 10. Stavropol: North Caucasus Federal University, 117—126 (in Russian).
- Fomenko, V.A., 2018. In *Obshchestvo: filosofii, istoriia, kul'tura (Society: Philosophy, History, Culture)* (3), 40—43 (in Russian).
- Cherkas, B. 2014. *Zakhidni volodinnia Ulusu Dzhuchy: politychna istoriia, terytorial'no-administrativnyi ustrij, ekonomika, mista (XIII—XIV st.) (Western Possessions of the Jochid Ulus: Political History, Territorial-Administrative Division, Economy, Towns in 13th—14th Centuries)*. Kiev: Institute of the History of Ukraine, National Academy of Sciences of Ukraine (in Ukrainian).
- Shafiev, N.A. 1968. *Istoriia i kul'tura kabardintsev v period pozdnego srednevekov'ia (XIV—XVI vv.) (History and Culture of Kabardians in the Late Middle Ages: 14th—16th Centuries)*. Nalchik: "El'brus" Publ. (in Russian).

Статья поступила в номер 28 февраля 2019 г.

Oleg Bubenok (Kiev, Ukraine). Doctor of Historical Sciences. A. Yu. Krymsky Institute of Oriental Studies, National Academy of Sciences of Ukraine¹.

Oleg Bubenok (Kiev, Ukraine). Doctor în științe istorice. Institutul de Studii Orientale al Academiei Naționale de Științe a Ucrainei „A. Iu. Krymskyi”.

Бубенок Олег Борисович (Киев, Украина). Доктор исторических наук. Институт востоковедения им. А. Е. Крымского Национальной Академии наук Украины.

E-mail: helgebub@gmail.com

Address: ¹ M. Grushevsky St., 4, Kiev, 01001, Ukraine